

Л. Г. КОКОРЕВА

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ В. С. ФИЛИМОНОВА

Творчество Владимира Сергеевича Филимонова, талантливого поэта, прозаика и баснописца, охватывает период с 1804 по 1858 год. Лучшие его произведения — поэмы «Дурацкий колпак», «Обед», «Москва» (три песни), басни (1819—1848 гг.) — продолжают реалистические и сатирические тенденции литературы 20—30-х гг. XIX века.

А. С. Пушкин в своем стихотворном послании В. С. Филимонову (1828 г.) первым глубоко и верно охарактеризовал его творчество. Отметив философский характер и вместе с тем критическую, оппозиционную настроенность поэзии Филимонова, его умение видеть и правдиво изображать жизнь своего времени, Пушкин целиком поддерживает такую направленность поэтического творчества Филимонова:

«Хотелось в том же мне уборе
Пред вами ныне щегольнуть
И в откровенном разговоре,
Как вы, на многое взглянуть.
..Снимая шляпу, бью челом,
Узнав философа-поэта
Под осторожным колпаком»¹.

Представитель декабристской критики, А. А. Бестужев, в статье «Взгляд на новую словесность» (1823) охарактеризовал В. С. Филимонова как поэта, в произведениях которого «много ума, размышлений».

В. Г. Белинский любовно выписывал стихи В. С. Филимонова в свои юношеские тетради². Позднее (1839 г.) он посвятил специальную статью поэме «Дурацкий колпак». Великий критик видел в поэзии Филимонова «много истинного чувства» и «сердечной иронии», ценил его «оригинальность и остроумие», правдивость и верность поэтического изображения, а также легкий, плавный, бойкий стих³.

Большие заслуги В. С. Филимонова в развитии русской литературы признал много лет спустя и «Современник»⁴, отметивший

искреннее и остроумное изображение автором жизненных явлений действительности.

Творчество В. С. Филимонова, высоко оцененное прогрессивными писателями и критиками XIX века, к сожалению, никогда не было предметом специального исследования. Мы встретили лишь отдельные попытки дать общую характеристику творчества поэта в трудах таких литературоведов, как Каллаш, Геннади, Венгеров, признавших своеобразный поэтический дар В. С. Филимонова.

Но не все исследователи, писавшие о В. С. Филимонове, смогли оценить его творчество по достоинству. Так, например, И. Н. Розанов («Русская лирика», 1914) допускает в оценке произведений поэта серьезные ошибки. Он рассматривает творчество В. С. Филимонова в отрыве от его мировоззрения и общественно-политических позиций. Это привело к неверному утверждению о непоследовательности писателя, который, по мнению Розанова, «то бичует несправедливости жизни» («Дурацкий колпак»), то, как эпикуреец, прославляет радости желудка («Обед»).

Таким образом, критик не понял сатирической направленности творчества В. С. Филимонова вообще и поэмы «Обед», в частности.

Кроме того, из поля зрения Розанова выпали басни и три песни, объединенные под названием «Москва», имеющие резко антикрепостническую направленность.

Нельзя согласиться и с положением, высказанным в «Истории русской литературы» (изд. АН СССР⁵), что способный стихотворец В. С. Филимонов «...держался особняком», не наследуя ничьих традиций, не примыкая ни к одному литературному течению того времени.

В противовес указанным точкам зрения автор этой статьи, на основании изучения творческого наследия В. С. Филимонова и материалов, сохранившихся в Пушкинском доме и Центральных государственных исторических архивах Москвы и Ленинграда, ставит своей целью показать, что В. С. Филимонов своим творчеством и политическими симпатиями активно участвовал в литературной и общественной борьбе первой половины XIX в., продолжая лучшие традиции классической литературы. Поэзия Филимонова формировалась под влиянием Жуковского, Батюшкова, Крылова, позднее он разделял эстетические взгляды Пушкина и Грибоедова. Кроме того, он находился в гуще литературной и политической жизни того времени, примыкал к передовым общественным объединениям: «Вольному экономическому обществу»⁶, «Вольному обществу любителей российской словесности»⁷ и др., сотрудничал почти во всех петербургских и московских журналах и альманахах, в том числе в «Полярной звезде», был другом одного из издателей этого альманаха — А. Бестужева⁸ и был близок с А. С. Пушкиным, А. Н. Муравьевым и декабристом Г. Н. Батеньковым⁹.

В связи с этим мы уделяем большое внимание мировоззрению писателя, определившему его политические позиции в освободительном движении первой половины XIX века.

Кроме того, автор работы дает более полную, по сравнению с опубликованными биографическими материалами, биографию В. С. Филимонова, из которой ясно видна тесная связь писателя с передовым общественным движением того времени.

Предметом исследования автора является в основном поэтическое и басенное творчество В. С. Филимонова, как наиболее ценное по идейно-художественному содержанию. Проза выпадает из анализа, так как она занимает в характеристике творчества писателя второстепенное место, хотя отдельные произведения (роман «Русская девушка») ценны критическим изображением помещиков-крепостников.

Сохранившееся творческое наследие В. С. Филимонова включает: поэмы «Дурацкий колпак, ч. I и II, СПб., 1828, ч. III, IV, V, СПб., 1837; «Обед», СПб., 1837; «Москва» (три песни), СПб., 1845; басни, изданные в Петербурге в 1857 г. отдельным сборником; стихотворные, прозаические и драматические произведения, а также теоретические работы¹⁰.

Как нами установлено, В. С. Филимоновым были написаны и подготовлены к печати следующие произведения: «Еварет или русский Жилблаз», «Послания», «Сердечные песни», «Сонеты», «Шутки», «Сигары», «Чай», «Три наследия», «Ымухина», «Сборник редких произведений ума человеческого», драма «Брело», «Основные мысли Монтания», драма «Веледа», поэма «Дурацкий колпак», 2-ое издание, «Новые петли к старому колпаку», «Жизнь В. С. Ф., написанная им самим» — неоконченная автобиография писателя. По свидетельству журнала «Иллюстрация», это жизнеописание представляло большой интерес: «Лица, которым он (В. С. Филимонов. — Л. К.) читал отрывки из записок о своей жизни, полной тревожениями и превратностями судьбы, говорят, что они в высшей степени замечательны»¹¹.

В. С. Филимонов родился в 1787 г. в Москве в семье отставного секунд-майора. Воспитанием поэта занимался в основном его дед, который «...прежде жил в кругу большом, под старость бил хлопучкой мошек»¹². Первыми наставниками поэта были крепостные люди: «Мой дядька конюх был, наставник — пономарь»¹³. Когда В. С. Филимонову исполнилось 12 лет, родители определили его на службу в Государственную коллегию иностранных дел, в Комитет, особо учрежденный для разбора переписки Екатерины II с ее полководцами.

В сентябре 1805 г. Филимонов начинает учебу в Московском университете и в 1809 г. получает свидетельство о том, что он слушал курс университетских лекций по 27 ноября 1809 г. по 11 предметам, в том числе по российской словесности, статистике, по естественному праву, политической экономии, философии и др.

В 1811 г. В. С. Филимонов был перемещен в Министерство юстиции, а с 1812 г. — в Министерство полиции, где занимался статистическим описанием Московской губернии.

С начала Отечественной войны 1812 г. Владимир Сергеевич оставляет гражданскую службу и поступает в ополчение в качестве

управляющего канцелярией и адъютанта главнокомандующего графа Л. А. Толстого, принимает участие в заграничных походах 1813—1814 гг. В Дрездене он был принят в масонскую ложу «Трех мечей».

У русского правительства было вполне определенное отношение к масонскому движению. Александр I, опасаясь развития масонства в России, в указе 1822 г. «О запрещении лож масонских и тайных обществ» писал: «Беспорядки и соблазны, возникшие в других государствах от существования различных тайных общин, из коих одни под наименованием лож масонских, первоначально цель благотворения имевших, другие, занимаясь сокровенно предметами политическими, обратились ко вреду государств и принудили в некоторых их тайные общества запретить»¹⁴.

Несмотря на запрещение, Филимонов, очевидно, продолжал оставаться членом ложи «Трех мечей» до 1826 года. В 1826 г. он дал подписку о непринадлежности впредь ни к каким тайным обществам — в противном случае он объявлялся государственным преступником.

Участие в масонстве, сыгравшем большую роль в декабристском движении, а возможно, и какие-то другие стороны жизни Филимонова в 10-е гг. способствовали утверждению за ним репутации неблагонадежного человека. В связи с этим, когда он в 1817 г., не без влияния богатой жены, назначается новгородским вице-губернатором, он спустя некоторое время освобождается от этой должности, а в 1822 г. — и от службы вообще.

Находясь долгое время не у дел, Филимонов становится членом различных литературных обществ, например, «Вольного общества любителей российской словесности», начинает печататься в периодических журналах, в том числе в «Полярной звезде», одним из издателей которой был его близкий друг А. Бестужев.

После разгрома восстания декабристов Филимонов делает попытку самостоятельно издавать два журнала и газету. Петербургский цензурный комитет, рассмотрев его ходатайство «О дозволении журналов «Время», «Надежда» и газеты «Отголосок мира», разрешил издание журнала «Надежда» (с 1828 г.) и газеты, имеющей политический характер. Однако, когда об этом стало известно в III отделении, министру народного просвещения было сделано следующее замечание: «...весьма странно, что господин министр просвещения пишет, якобы Филимонов в состоянии направлять общее мнение, не вспомнив о том, что он же, г. министр просвещения (имеется в виду Шишков. — Л. К.), запретил Филимонову продолжать издание книги «Искусство жить», которой вышла 1-ая книжка в 1825 г., книга сия найдена дурною в отношении к направлению нравственности»... Далее высказывалось мнение, что В. С. Филимонову можно было бы разрешить издавать журнал, но «без политики», причем в сем случае должно переменить название сего журнала и наименовать его не «Надеждою», а чем другим. Это название уже было в ходу между заговорщиками»¹⁵.

После таких «замечаний» Министерство просвещения не решило В. С. Филимонову издавать ни журналы, ни газету.

Тогда В. С. Филимонов пошел на хитрость. По его, видимо, поручению, с прошением о разрешении нового повременного издания (не политического) в главный цензурный комитет обратился титулярный советник Аладьин. Когда же Аладьин получил разрешение на издание газеты, он сразу же оформил сделку об ее передаче в полное распоряжение Филимонова. Это вызвало неудовольствие цензурного комитета. Но закона, запрещающего подобные сделки, не было, и цензурный комитет был вынужден ограничиться замечанием: «На будущее время не должны быть допущены подобные передачи без ведома и согласия на то Главного управления цензуры».

Газета «Бабочка» издавалась Филимоновым в течение двух лет (1829—1830 гг.). «Сия газета, — писал 20 мая 1829 г. цензор К. С. Сербинович, — сообразно программе своей, сообщает публике новости по части просвещения и общежития. Издатель обязался не помещать в ней статей политических, однако же многие из представленных им статей кажутся более или менее относящимися к современной политике»... Это замечание цензора, разгадавшего смысл некоторых тонко завуалированных высказываний, заставило издателя быть с каждым номером газеты все более и более осторожным. Тем не менее, когда в 1839 г. Филимонов обратился в цензурный Комитет с просьбой возобновить прерванное в 1830 г. издание, ему было в этом отказано.

В 1829 г. Филимонов, получивший чин действительного статского советника, назначается архангельским губернатором, но уже в 1831 г. он был арестован и привлечен к следствию как соучастник «злонамеренного» общества Сунгурова, Гурова и др.¹⁶

Сунгуровское общество возникло в годы жесточайшей николаевской реакции, когда освободительное движение приняло особые формы подпольной кружковой работы. «...шутить либерализмом было опасно, играть в заговоры не могло прийти в голову»¹⁷, — писал Герцен, понимавший всю опасность «игры с либерализмом» в эти годы. И, как бы отвечая на недоуменный вопрос читателя, разъяснял далее: «...но что же это была бы за молодежь, которая могла бы в ожидании теоретических решений спокойно смотреть на то, что делалось вокруг...»¹⁸. Социально-экономические противоречия, вызвавшие революционный взрыв 25 декабря, не были сняты разгромом декабристов. Усиливается распад крепостного строя, растет недовольство народных масс, все чаще переходящее в открытые возмущения. Интеллигенция и разночинная молодежь создает в эти годы ряд подпольных революционных кружков, центром которых становится университет. Наиболее значительным из общественных объединений этого периода было общество, возглавлявшееся Сунгуровым, по имени которого движение и получило свое название.

Целью общества было введение в стране конституционного правления. В доносе члена этого общества, студента Поллонина, раскрыт конкретный план действий общества: «...взяв столицу, читать

составленную конституцию, а господина московского губернатора захватить, держать в виде аманата, с тем, чтобы он предписал окружным губернаторам около Москвы выслать депутатов к выслушанию Конституции: разослать всюду прокламации к народу для возбуждения ненависти к государю и правительству, рассеивая нелепые слухи насчет почившего в бозе цесаревича Константина Павловича...»¹⁹. Сам Сунгуров на очной ставке с Антоновичем (студентом-медиком) и Поллониным «признавался... в том, что привлек их в такое общество, которое, по словам его, было остаток от общества 14 декабря 1825 г. и имело целью конституцию»²⁰.

Комиссия военного суда, расследовавшая дело, не смогла обнаружить полный текст разработанной конституции. Однако отдельные заметки о государственных преобразованиях имелись в личных бумагах арестованных участников движения. Интересно, что как только доносчиком Поллониным было названо имя В. С. Филимонова, царь сразу же лично стал заниматься делом Филимонова, заподозрив именно его в составлении конституции.

Из бумаг В. С. Филимонова, рассмотренных III отделением, выяснилось, что он действительно занимался составлением конституции (примерно с 1820 г.), в его бумагах было обнаружено 13 записок в особой обертке с надписью «Краткое начертание государственного образования». Эти записки полностью прочесть было нельзя, но, по заключению следственных органов, было весьма ясно видно, что «они заключают в себе план нового государственного образования»²¹.

Основу политических воззрений Филимонова составляла идея конституционной монархии. В описи его бумаг сохранились выписки с размышлениями писателя о деятельности Петра I, Екатерины II. Петр I, по мнению Филимонова, должен был твердо определить ход дальнейшего исторического развития страны, сделать «основание конституции», направив тем самым Россию по верному пути развития. Филимонов с осуждением относился к крепостнической политике Екатерины II. «Какую пользу принесла нам грамота дворянская? Не укоренила ли рабство? Не лучше ли было о чем-нибудь общем подумать, а много времени прошло...», — писал Филимонов в своих заметках²².

Здесь Филимонов ставит очень важный для того времени вопрос о крепостном праве — о «рабстве», мешавшем развитию России.

Конституционные преобразования, по мысли Филимонова, должны были решить этот наболевший вопрос.

В заметках Филимонова есть намек на революционный путь преобразования. Оценивая современное ему положение страны, он пишет: «При хаосе дел следует революция, и из нее создается новый порядок. Нам должно посредством... (пропущено не разобранный комиссией слово), т. е. от хаоса перейти к новому порядку». Рассуждая логически, должно думать, что комиссией здесь пропущено слово «революция», но надо учитывать, что все же основой общественно-политических взглядов Филимонова оставались преобразования конституционного порядка.

Филимонов, конечно, не мог не искать путей для воплощения в жизнь своих идеалов; здесь и могли быть найдены точки соприкосновения с «злоумышленниками» сунгуровцами, целью которых было введение конституции. Конкретные революционные планы сунгуровцев, возможно, и не были знакомы Филимонову. Царь, стремясь выяснить, принадлежал ли организационно Филимонов к этому обществу, дал указание тщательно допросить о нем членов общества. Доносчик Поллонин показал, что 13 июля 1831 г., т. е. незадолго до раскрытия общества, Сунгуров, при студенте Антоновиче, говорил, что если их планы не исполнятся, тогда «очень легко будет бежать и только пробраться до Архангельска, а так как гражданский губернатор Филимонов в их обществе и сам должен опасаться открытия и бежать, то он приготовит им корабли, и они могут бежать в Англию или куда им будет угодно»²³. Показания Поллонина подтвердили студент Антонович, подпрапорщик Троицкого пехотного полка Седлецкий, студенты Ю. Кольрейф и Я. Костенецкий, которые слышали от Сунгурова и Гурова о «прикосновенности» Филимонова к их обществу. Сам Николай Сунгуров сначала показал, что с В. С. Филимоновым совершенно не знаком, но затем признался, что, может быть, говорил о Филимонове другим для «вероподобия в своем обществе под видом открытия других», и, наконец, сказал, что о В. С. Филимонове говорил Костенецкому, но что — не помнит.

Филимонов был коротко знаком с Гуровым и Козловым — активными членами сунгуровского общества. Он жил вместе с ними на одной квартире в Москве, в Рязани, а в 20-е годы встречался в Петербурге.

В 1831 г. Гуров, по поручению Сунгурова, направил В. С. Филимонову письмо с припиской Козлова, спрашивая, не желает ли Филимонов купить у него имение. Если учесть, что самому Козлову Гуров писал письмо также о покупке имения и о присылке ревизских книг, подразумевая под этими словами, как впоследствии это было расшифровано им самим, необходимость установления списка общества, то можно предполагать, что письмо к Филимонову тоже имело тайный смысл: возможно, что этим письмом сунгуровцы приглашали Филимонова вступить в их общество, о существовании которого он мог знать раньше, поскольку сунгуровцы намечали поездку к нему Гурова или еще кого-либо из членов общества в качестве верного помощника.

Параллельно с установлением связей Филимонова с сунгуровцами расследование следственной комиссии создало сильные подозрения о прикосновенности Филимонова к делу декабристов.

В самом начале следствия в бумагах Филимонова неожиданно были обнаружены письма к нему декабристов Г. С. Батенькова, А. Н. Муравьева, копия с письма декабриста В. И. Штейнгеля Николаю I, тетрадь с цитатами проекта конституции Н. М. Муравьева — все это чрезвычайно усилило подозрения Николая I о связях Филимонова с декабристами. Кроме того, Ф. Гуров, один из видных деятелей сунгуровского общества, дал показания комиссии воен-

ного суда, что Сунгуров, по собственным его рассказам, принадлежал к Обществу 14 декабря и что «при задержании преступников он, бывши в деревне, спрятался на чердак к попу»²⁴. Рассказывая об одном из посещений Козловым, Сунгурова, Гуров добавил, что он слышал, как Козлов, давая указания насчет построения общества, упоминал, что «14-го декабря Филимонов тоже с ним находился, но оба как-то отделились»²⁵.

Сунгуров, по показанию свидетелей, называл свое общество «остатком от 14 декабря». На допросе 7 июля 1831 г. он признался, что действительно так говорил, но когда от него потребовали назвать, кто именно из членов кружка принимал участие в восстании 14 декабря, он отвечать отказался, а затем на очной ставке с Гуровым все прежние показания отрицал, хотя Гуров «уличал его сильными доводами» и упомянул также имя подполковника Н. И. Владимирова (хорошего знакомого Филимонова), с которым-де Сунгуров вместе принадлежал к обществу декабристов. Сунгуров был тверд, несмотря на показания Гурова и очные ставки сначала с Антоновичем, а затем с Поллониным, которые давали показания обличительного характера, он ни в чем не признавался, отвечая «сбивчиво, непостоянно».

Царь дал следственным органам установку на сокращение дела, опасаясь открытой поддержки сунгуровцев со стороны войск; он отдал приказание расформировывать квартирующие в Москве полки при малейших подозрениях. В связи с этим следствие не стало углубляться в вопрос об участии Сунгурова, Козлова, Филимонова в деле 14 декабря.

Филимонов был осужден как соучастник сунгуровского движения и заключен в Петропавловскую крепость. В следствии по его делу принимали участие Бенкендорф и сам Николай I. Несмотря на серьезные улики — обнаруженные документы, показания членов Сунгуровского общества, Филимонов до конца не признавал себя виновным.

Но избежать наказания ему не удалось. На докладе следственной комиссии царь наложил резолюцию: «...освободить от крепости, послать на жительство в Нарву... и там в Нарве иметь его под надзором полиции»²⁶. В журнале Министерства внутренних дел и Министерства юстиции царь собственноручно написал: «Губернатора Филимонова отрешить от сей должности, ибо и сверх того оказался виновным по особому делу, за что и содержится в С. Петербургской крепости»²⁷. А затем последовал указ Сената об отрешении В. С. Филимонова от должности с 25 октября 1831 г.

Формальных оснований отдать Филимонова под суд и осудить его еще более строго не было. После 4-месячного заключения в крепости он был выслан в Нарву, но даже и после этого царь со своими приспешниками продолжали его преследовать вплоть до самой его смерти. Въезд в столицу был ему запрещен, он был лишен каких-либо материальных средств и больной, слепой, окончил свою жизнь в простой крестьянской избе, где его незадолго до смерти посетили Некрасов и Панаев.

Гонения и тяжелые условия жизни не убили стремления Филимонова к правде и его горячей любви к литературе. Очень хорошо об этом сказал друг Филимонова Н. А. Степанов²⁸ в стихотворении «Высокий удел», посвященном поэту:

«По мне высок того удел,
Кто так, как ты, уразумел,
Что в жизни истинно, что ложно,
Как ты, залог душевных сил
В боренье с роком закалил,
Кто им, и темным и могучим,
Недаром был гоним и мучим;
Кто горем ближних перерос,
Чтоб ближних к истине направить,
Кто может много тайных слез
В корону мученика вставить»²⁹.
(1850 г.).

* * *

Ранние работы Филимонова: «Рассуждение о воспитании» (1804 г., очевидно, свободный перевод с французского языка); «Система естественного права» (1811 г.); «Рассуждение о науках правоведения» (1815 г.) — имеют прямое отношение к истории русской общественной мысли, в них Филимонов выступает с позиций русского просветительства. Произведения эти появились из-под пера Филимонова в то время, когда передовая общественность конца XVIII — начала XIX в., в том числе литературная общественность (Радищев, Пнин, декабристы), неоднократно и настойчиво поднимала в своих теоретических и литературных работах философские, политические и воспитательные вопросы с целью разобраться в путях дальнейшего развития России.

Работы Филимонова затрагивают актуальные для того времени проблемы: например, проблемы равенства людей, воспитания подрастающего поколения, государственной власти и др.

В «Рассуждении о воспитании» Филимонов, в противовес официозным теориям воспитания рабов в страхе божием, выдвигал требование воспитывать всесторонне развитого гражданина, полезного народу и отечеству.

«Главный предмет воспитания, — писал в свое время Н. И. Новиков, — есть тот, чтобы образовать детей счастливыми людьми и полезными гражданами»³⁰. Без воспитания и «просвещения науками, — говорит Радищев, — наилучшая... способность человека удобно, как всегда то было и есть, превращается в самые вреднейшие побуждения и стремления»³¹.

Воспитание, или, как говорится в книге Филимонова, «вскармливание, взращение, обучение детей», имеет главной, конечной целью — служение обществу, «которое должно пользоваться плодами хорошего воспитания»³². «Человека должно воспитать гражданином,

участником «политического тела», когда «всякий гражданин убежден, что при рождении он получил дар, который должен употребить в пользу»³³ как «член политического тела».

Однако, подобно Пнину, который выступал в это же время с «Опытом о просвещении относительно к России» (1804 г.), Филимонов возвращается к традиционной консервативной точке зрения о «неодинаковых преимуществах» различных классов по отношению к просвещению, говоря, что «в обществе всякий класс граждан имеет особенно ему принадлежащий образ воспитания»³⁴.

Очень оригинально ставит Филимонов вопрос о просвещенном монархе. В этот период он, очевидно, признает монархическое правление, однако смело замечает, что только в случае, если просвещенный монарх понимает «пространство и пределы его власти»³⁵, если он считается с интересами подданных, понимает, чем он им обязан, и пользуется властью только разумно, — лишь в этом случае власть его будет сохранена. Что бывает в противном случае, должна ему открыть история: «государства, наилучшим образом устроенные, подвержены возмущениям», если самовластие их правителей не согласуется с нуждами и стремлениями подданных. Впоследствии эти идеи превращаются у Филимонова в идею конституционной монархии.

Вопросы о социальном неравенстве и о правах человека были подняты Филимоновым в книге «Система естественного права» (1811 г.). Исходя из теории естественного права человека на свободу, землю и т. д., Филимонов делает заключение, что вся земля — обиталище людей, и каждый имеет естественное равное право на землю и плоды ее. Он выступает против права наследования и говорит, что как только умер человек, владевший на основании естественного права землей, так его земля становится общей. Таким образом, Филимонов утверждал равенство людей как наиболее естественное и правильное состояние общества. Экономическое неравенство современной ему действительности он пытается осмыслить, исходя из той же теории естественного права. Он рассуждал так: люди имеют равное право на землю, но так как самую природу каждому человеку не предназначено определенное количество земли в определенном месте, а все люди одарены неравными способностями, то отсюда происходит факт приобретения одним человеком большего количества земли, а другим — меньшего. Таким образом, выступая за моральное равенство людей, Филимонов фактически признавал право на неравную частную собственность.

Занимая прогрессивные для своей эпохи позиции по вопросам общественного устройства, крепостного права, воспитания и др., Филимонов, однако, не был до конца последователен. В этой непоследовательности сказалась историческая ограниченность, которую впоследствии В. И. Ленин охарактеризовал так, имея в виду просветителей XVIII и 40—60-х гг. XIX в.: «...они совершенно искренне верили в общее благоденствие и искренне желали его, искренне не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, который вырастал из крепостного»³⁶.

Ранние художественные произведения Филимонова (1804—1822 гг.) были отдельно изданы в 1822 г. (сборник «Проза и стихи»). Довольно слабые в художественном отношении его первые поэтические опыты дают возможность проследить эволюцию Филимонова — художника и процесс становления его как прогрессивного поэта.

В небольшом прозаическом отрывке «К незабвенному» (1807 г.), которым открывается сборник «Проза и стихи»³⁷, ясно видны противоречия, характерные для начинающего поэта: это, с одной стороны, горячее стремление к справедливому устройству жизни, а с другой стороны — глубокая неудовлетворенность существующей действительностью: «Согреваемые огнем энтузиазма, мы стремились к одной цели — благу человечества... Важные события нового мира окрыляли душу обширными надеждами... Мечтаемое оживотворялось... На поле ратном и в храме Фемиды мы клялись быть защитниками истины и добродетели. Им клялись мы посвящать счастливые минуты святого поэтического вдохновения»³⁸.

Благородные, прогрессивные устремления Филимонова сталкиваются с крепостнической действительностью, но выхода из этого противоречия он не находит: слишком был узок в России того времени круг борцов за счастье человечества, и, как потом скажет В. И. Ленин о декабристах, «страшно далеки они от народа». У писателя появляется мотив одиночества: «Один борюсь с предрассудками, неправдою и злом. Один несу иго страдания, смотря на торжествующий порок и достоинство униженное, беспомощный стремлюсь к идеалу... цель отдалилась — грозный туман»³⁹.

Под влиянием романтического направления в творчестве Филимонова появляются мотивы, близкие Жуковскому: неудовлетворенность жизнью рождает надежды на загробный мир; для ряда произведений Филимонова этого времени характерно противоречие между стремлением автора найти утешение в радостях любви и ощущением невозможности полного счастья на земле.

Отдел «Лирики» сборника сочинений Филимонова «Проза и стихи» открывается стихотворением «К Лауре» (1809 г.), посвященным В. А. Жуковскому. Сам Филимонов в примечаниях к сборнику писал об этом стихотворении как об ученическом опыте. «Я написал эти стихи тогда, когда не знал не только размера стихов, но даже Русской грамматики. Славный и столько же добрый, сколько славный Жуковский, с снисхождением искреннего добродушия одобрил произведение юного чувства и юного воображения». Начинающий поэт с восхищением отзывается о таланте Жуковского: «Пусть души низкие завидуют творцу «Филалета», «Нины», «Светланы», «Золовой арфы!» Я восхищаюсь его славою, я люблю и дар и сердце Жуковского»⁴⁰. Данью этому восхищению были стихотворения «К Лауре» (1809 г.), «Песня» (1809 г.), «Песня» (1814 г.).

В стихотворении «К Лауре» Филимонов на вопрос — где же искать исход земным страданиям, «где сердцу ждать вознаграждений?» — отвечает в духе Жуковского: «Там!», в загробном мире.

Главными виновниками страдания ему представляются либо обстоятельства жизни, либо «жестокая власть людей», которые ратосторгают силою своих законов «священный союз сердец»; он протестует, но не восстает против этой власти:

«Как тяжко сердцем умирать
И в жизни с жизнью разлучаться,
Жестока власть судьбы,
Но должно покоряться».

Утешение поэт старается найти в надежде на загробное счастье:

«Уж слабеет жизни сила,
Вянет юность — гроб открыт...
Смерть счастливых разлучила —
Их она соединит».

(«Песня», 1814 г.).

Характерно, что испытывая влияние романтизма Жуковского, Филимонов одновременно начинает сомневаться в возможности счастья на небесах, он задумывается над истинностью решений, предлагаемых Жуковским. Очевидно, Филимонов почувствовал ограниченность романтизма Жуковского. Уже в стихотворении «К Лауре» мы видим зародившиеся сомнения автора:

«Но за могилою, в неведомой стране,
В сей тьме таинственной, ужели все затмится?
И сердце — отблеск божества —
В ничто преобратится?»

Филимонов не стал поэтом-романтиком: слишком жизненной, земной была его философия. Одновременно с романтическими мотивами Жуковского в поэзии Филимонова начинает ощущаться влияние жизнеутверждающей, эпикурейской лирики Батюшкова. Это влияние усилилось после личной встречи молодого Филимонова со знаменитым поэтом в 1811 году⁴¹.

Вслед за Батюшковым Филимонов создает стихи («К Алине», «К ней»), призывающие любить жизнь и прославляющие земную любовь и счастье.

«Хотел забыть тебя, лишь о тебе мечтаю,
Во цвете юных лет я молодость гублю,
Страдаю — близ тебя и без тебя страдаю,
Стараюсь не любить и — более люблю».

(«К Алине», 1809 г.).

В стихотворении «К ней» (1809 г.) Филимонов прямо воспевает чувственную земную любовь в духе Батюшкова:

«О Ангел! Смертной будь! одно — одно мгновенье!
И страсти пламенной мечтанье оживи;
Познай земную жизнь, земное наслажденье
И прелесть чувствовать, и радости любви».

Сближение с Батюшковым, последующее увлечение эпикурейскими мотивами поэзии Горация, знакомство с философией Дроза. Монтаня окончательно приводят В. С. Филимонова к новому мироощущению: смысл жизни — в наслаждении земными радостями. Об этом свидетельствует его работа «Искусство жить», первая часть которой была напечатана в 1825 году. Цензуре было сделано замечание за пропуск 1-й книги, и печатание последующих частей было запрещено, так как в книге были найдены вредные мысли «французских философов, а особенно Дроза (революционного). Киевский митрополит Евгений писал В. Филимонову, что «поводом к запрещению дальнейшего издания сей книжки было недавно напечатанное в журнале «Ami de la Religion» замечание, что нравственные сочинения Дрозovy поблажны всякого рода чувственным утехам и в них только... счастье человека, без отношения к правилам религии»⁴².

Позже, вспоминая период увлечения эпикурейством, Филимонов писал:

«Было время, года два,
Я Горацием пленялся.
Все твердил его слова,
Дни срывал я, наслаждался».

Плодотворное влияние на формирование поэта оказало устное народное поэтическое творчество. В 1809, а затем в 1810 г. он пишет ряд песен в народном духе. Внимание молодого автора привлекают лирические народные песни, близкие ему по настроению: «Вечор был я на почтовом на дворе», «Да уж сосед жита сее», «Ты поди, моя коровушка, домой!».

Автор знал не только слова, но и мотивы этих песен, потому что, создавая свои песни в народном духе, он помечал: на голос такой-то песни. Характерно, что эти песни Филимонов писал в дороге. Песни его помечены: Незнаново (по дороге из Ранненбурга в Рязань), Свирилово, сельцо Лисопрадское; он писал и, возможно, слушал, как пел народ на полях, в селах, мимо которых он проезжал; поэтому и звучал в его песнях голос народа»⁴³.

Особенно удачна «Песня» на голос «Вечор был я на почтовом на дворе»; в ней поэт сумел отразить народный, певучий склад речи, умело используя народную лексику и поэтику:

«...Злые люди разлучили с дорогой:
Далеко я на сторонушке чужой!
На завалинке один теперь сижу,
На дорожку в даль широкую гляжу...
Когда весело на сердце ретивом,
Тогда кажется и ночь нам красным днем;
А когда его кручина тяготит,
Тогда бедное ничто не веселит.
Меня горе разбудило на заре,
Ветер воет на высокой на горе,
Вся дубрава здесь бушует от него;
Блеклы листья разлетают далеко...»

Ветер буйный! Утешитель будь ты мой!
Унеси ты грусть-кручинушку с собой!
Вырви, вырви мое сердце поскорей,
Ему больно без подруженьки своей!..»

(«Песня» на голос: «Вечор был я на
почтовом на дворе», 1809 г.).

Впервые в этих песнях зазвучала тема социального неравенства. Любовь бедных людей («Песня» 1810 г. на голос «Ты поди моя коровушка домой») сталкивается с тяжелыми условиями жизни. Девушка Таня изменила бедняку, горячо любившему ее, и вышла замуж за богатого молодца. Бедняк упрекает Таню:

«Так затем ли я с ней на поле ходил?
Так затем ли я снопы ее носил?
Так затем ли отворял ей ворота?
Позабыла, изменила, красота!»

Выход из тяжелого жизненного положения рисуется Филимонову не в смерти и надежде на счастье «там»; лирический герой решает забыть неверную девушку:

«Постараюсь сам Танюшу позабыть,
Как она же, перестану я любить».

Среди этих песен есть и менее удачные, в которых ясно чувствуется стилизация под народное творчество, параллельно мелькает в стихах Филимонова еще не исчерпанный мотив разочарования в жизни и соединения с возлюбленной в загробном мире.

Народная поэзия внесла животворную струю в лирику Филимонова, обогатив лексику поэта. В. С. Филимонов свободно вводит в свои лирические песни народные слова и выражения: «на завалинке сижу», «кручина», «грусть-кручинушка», «родная сторонушка». употребляет народные эпитеты, сравнения. Впоследствии, будучи редактором журнала «Бабочка» (1829 г.), он продолжает борьбу за народную поэзию, помещая там обрядовые, лирические и другие народные песни с точным указанием, где они были услышаны.

Увлечение народной поэзией, знакомство с жизнью народа во многом способствовало и освобождению Филимонова от влияния Жуковского и Батюшкова и утверждению в его творчестве реалистических и сатирических тенденций. Сатирические тенденции у Филимонова наиболее ярко проявились в басенном творчестве.

Начиная с 1809 г. он пишет ряд басен, в которых обнаруживает серьезное осмысление действительности. Тон басен Филимонова далек от насмешливо иронических басен И. И. Дмитриева, носивших ярко выраженный светский характер, и от натурализма басен Измайлова. Не останавливаясь подробно на характеристике басенного творчества Филимонова, отметим, что, наряду с критикой подхалимства, процветавшего при дворе «звериного владыки» («Медведь, конь, обезьяна, змея, 1809 г.), критикой несправедного суда,

где бедняк, «чье дело было право» оказался пристыженным и осужденным, а «богат над ним смеялся...» («Судья и два просителя», 1819 г.), наряду с разоблачением зависти, злости, подхалимства («Орел и улитка», 1819 г.; «Кустарник», 1819 г.), мы видим у Филимонова басню «Смена воеводы» (1819 г.), где явно чувствуется политическая направленность. Сюжет басни прост:

«...Был где-то Воевода
За взятки явные с народа
Судом от места удален:
Взамен, как водится, другой определен»...

Но дальше выясняется, что при новом воеводе порядки не улучшились: «Медведь у нас иной, вожатые остались те же». В заключение Филимонов дает мораль:

«Чтоб ядовитые деревья истреблять,
Их должно не рубить, но с корнем вырывать»⁴⁴.

В период преддекабристской революционной обстановки эта басня имела, несомненно, оппозиционное звучание. Недаром впоследствии царская цензура запретила печатать эту басню как одну из наиболее «резких» и «неблаговидных» «по содержанию своему».

Первые опыты Филимонова в жанре басен заслуживают внимания. В них определилась идейная направленность басенного творчества писателя. К жанру басен Филимонов обращается на протяжении всего своего творческого пути; незадолго до смерти он объединил все свои басни в отдельный сборник и издал его в 1858 году. На основании ряда произведений этого сборника можно сказать об оппозиционности Филимонова по отношению к существующему общественному порядку («Птичьи выборы», «Волк и петух», «Орел, мышь, кот, лисица и волк», «Лев и лягушка», «Ягненок и волк», «Звериное правосудие», «Птичий суд» и др.), об усилении демократической настроенности писателя («Рябина и колос», «Мужик и баба», «Кошка и львица») и острой сатирической направленности его басен, о чем свидетельствует факт запрещения 34 басен Филимонова петербургским цензурным комитетом⁴⁵. Многие из этих басен были напечатаны лишь после значительной их переработки автором, часть же из них так и не появилась в печати.

Сборник ранних произведений Филимонова «Проза и стихи» включает еще одно резко сатирическое произведение: послание «К Д. А. Остафьеву» (1812 г.).

Послание «К Д. А. Остафьеву» выражает отношение автора к общественной жизни той поры.

Это произведение было написано в 1812 г. в Москве, в разгар борьбы с Наполеоном. Великою эпохой назвал В. Г. Белинский время от 1812 до 1815 г. «С одной стороны, 1812 г., потрясший всю Россию из конца в конец, пробудил ее спящие силы и открыл в ней новые, доголе неизвестные источники сил, возбудил народное сознание и народную гордость и всем этим способствовал зарождению публичности, как началу общественного мнения; кроме того,

12-й год нанес сильный удар коснеющей старине...»⁴⁶. В послании «К Д. А. Остафьеву» 1812 года Филимонов, не затрагивая темы народа, обрушился на ту часть общества, которую он называет «черною знатной», т. е. на дворян, далеких от интересов отечества, «сиятельных невежд», которые потом были гениально показаны Л. Н. Толстым в образах Курагиных, Бергов и т. п.

Эпиграф к «Посланию» он берет из Ювенала, подчеркивая этим, что его сатира будет беспощадной. Он говорит, что будет писать правду, несмотря на то, что это ему не принесет ничего, кроме неприятностей: «забыл расчетливость, пристрастным презрел мнением, позволил сердцу я с тобою говорить. А правду говоря, я мог ли все хвалить?» В. С. Филимонов в своем сатирическом послании очень едко и лаконично, часто двумя-тремя штрихами, изобразил представителей дворянского общества, напоминающих нам будущие грибоедовские персонажи. Вот один из них:

« . . . . . у нас
Иль внучек бабушкин, иль дядюшкин племянник,
Разврата образец, в судилище посадник,
Вершит дела граждан, как чуждый гражданин».

А вот еще группа людей: им «власть благотворить дана, карать преступников, невинных быть защитой», но они используют свою власть для личного обогащения, их «цель — корысть одна». Филимонов дает в послании ряд обобщенных образов «челяди паркетной», «черни знатной», он называет светских фатов «ничтожными рабами молвы, предрассуждения».

Перед собою он ставит одну цель: поэт должен быть правдив в изображении жизни, а следовательно, полезен обществу. «Полезным трудно быть», но: «Мой друг! как гражданин полезный, стезею правую до цели достигай; прекрасное — хвали, дурное — презирай!» — говорит Филимонов о назначении поэта.

Таким образом сборник «Проза и стихи» объединяет произведения, дающие возможность говорить о различных тенденциях в раннем творчестве Филимонова. Одни произведения, написанные под влиянием Жуковского, звали к малоутешительным надеждам на загробный мир, другие, наоборот, приводили к мысли о необходимости преодоления этих неземных идеалов, призывали наслаждаться жизнью в духе Батюшкова, и, наконец, третьи — сатирически разоблачали пороки крепостнического общества, звали на борьбу с ними (басня «Смена воеводы»).

Все это дало повод к разноречивой характеристике раннего творчества Филимонова.

В. Мияковский в статье, помещенной в Энциклопедическом словаре Граната, очевидно, на основании сборника «Проза и стихи», сделал такое заключение о характере творчества Филимонова: «Образованный и хорошо начитанный в западноевропейской и родной литературе, Филимонов сразу примкнул к литературному течению, руководимому В. А. Жуковским, которого считал своим любимым поэтом».

В противовес этому заключению, Л. Н. Майков и В. И. Саитов, редактировавшие и снабдившие комментариями «Сочинения К. Н. Батюшкова» 1887 г., пишут: «Филимонов считал Жуковского поощрителем своего таланта, но романтизм, по-видимому, никогда не увлекал его...»⁴⁷.

Таким образом, взгляды исследователей на характер творчества Филимонова расходятся. Наиболее правильную, всестороннюю точку зрения можно выявить лишь рассмотрев внимательно все раннее творчество Филимонова.

После выпуска сборника «Проза и стихи» (1822 г.) Филимонов помещает в печати лишь несколько переводов с французского и греческого и прерванное по настоянию церкви издание теоретической работы «Искусство жить».

С середины 20-х гг. Филимонов начинает работу над самым крупным своим произведением — поэмой «Дурацкий колпак»⁴⁸. В 1828 г. выходит первая, а затем вторая часть поэмы, вызвавшей положительные отклики прогрессивных представителей литературной общестственности: Пушкина, Вяземского, затем Белинского. Поэма «Дурацкий колпак» явилась большим обобщением, результатом размышлений В. С. Филимонова над жизнью 20-х гг. XIX века.

Филимонов рассказывает в поэтической форме историю своей жизни, своих неудач и столкновений со светом, отражая в поэме многие объективные тенденции, характеризующие жизнь того времени: здесь мы находим и отголоски онегинского разочарования, обрисованного Филимоновым совершенно оригинально, и мотивы духовного одиночества, овеванные налетом грусти, и сатиру на современное ему общество.

Пушкин в своем поэтическом отклике на поэму «Дурацкий колпак» (послание «В. С. Филимонову...») предупреждал его, что политический оттенок и сатирическая направленность его творчества опасны для поэта («...не в моде нынче красный цвет») ⁴⁹. Красный фригийский колпак считался тогда символом преданности делу свободы, он был очень по душе юноше Пушкину, писавшему еще в стихотворении «Товарищам» (1817 г.):

«Друзья! Немного снисхождения;
Оставьте красный мне колпак...»⁵⁰.

Незаконченное стихотворение Пушкина «Из письма к Я. Н. Толстому» также содержит строки о фригийском колпаке, символе вольности:

«...Вот он, приют гостеприимный,
Приют любви и вольных муз,
Где с ними клятвою взаимной
Скрепили вечный мы союз,
Где дружбы знали мы блаженство,
Где в колпаке за круглый стол
Садилось милое равенство...»⁵¹.

Здесь упоминание о «колпаке» подчеркивает политическую сторону деятельности этого тайного общества.

В послании В. С. Филимонову Пушкин еще раз вспоминает о красном фригийском колпаке, подчеркивая тем самым, как воспринималась передовыми людьми того времени его поэма:

«Хотелось в том же мне уборе
Пред вами ныне щегольнуть
И в откровенном разговоре,
Как вы, на многое взглянуть»⁵²,

— говорит великий поэт.

Но, «скованный милостью» Николая I, изнывавший под тяжестью цензуры, гонений, Пушкин замечал в конце послания:

«...Но старый мой колпак изношен,
Хоть и любил его поэт...»

Пушкин с сожалением вспоминает о заброшенном «поневоле», из моды вышедшем красном колпаке. Н. Лернер и А. С. Венгеров, разбирая послание Пушкина к В. С. Филимонову, ограничиваются указанием только на то, что Пушкин, попавший в железные лапы Николая I, добродушно подтрунивает над самим собою и скрывает нешуточный вздох сожаления о «силе, гордости, упованье и отваге юных дней»⁵².

Это не совсем так. Приветствуя «Дурацкий колпак» Филимонова, Пушкин тем самым как бы заявлял о своей верности передовым идеям времени.

В период создания первых глав поэмы «Дурацкий колпак» (1824—1828 гг.) оформляются эстетические взгляды В. С. Филимонова и определяются его литературные симпатии. Его кумирами становятся Пушкин и Грибоедов.

В 1829 г. Филимонов выступает на страницах журнала «Бабочка»⁵⁴, где с восхищением отзывается о сатирической поэме Пушкина «Граф Нулин», а во II главе «Дурацкого колпака» называет поэмы Пушкина: «Кавказский пленник», «Руслан и Людмила», «Цыганы» в ряду любимейших своих произведений. Правда, романтические тенденции не увлекли Филимонова — поэта, он, скорее, продолжил традиции сатирических поэм Пушкина «Бова», «Граф Нулин» и др.

О личном знакомстве с Пушкиным Филимонов так рассказывал в письме к своей сестре: «...ты пишешь еще, что Пушкин тебя очень занимает — то я скажу на то, что я не только знаю наизусть все сочинения его, но даже познакомился с ним самим прошлого года, когда он проезжал через Бронницы в Петербург, он знаком с нашим Дороховым и пробыл у нас целый день и доказал, что он так же мил в обществе, как нравится по стихам своим»⁵⁵. Письмо помечено в публикации 15 сентября 1824 г., (1829 г.), первая дата более достоверна.

Из писем Вяземского своей жене в 1828 г. видно, что Пушкин уже в начале этого года был в дружеских отношениях с Филимо-

новым; в этом же году В. Филимонов послал Пушкину поэму «Дурацкий колпак», будучи, несомненно, знакомым с ним.

Эту поэму Филимонов послал и А. С. Грибоедову. Неизвестно, что ответил ему Грибоедов, но стихотворное послание «А. С. Грибоедову»⁵⁶, приложенное к поэме, — небезыңтересный документ для истории литературных отношений того времени и для характеристики взглядов Филимонова.

В послании «А. С. Грибоедову» Филимонов с восхищением говорит о комедии «Горе от ума», которую он читал, очевидно, в рукописи (она была напечатана только в 1833 г.). Филимонов признается, что в этой комедии он нашел мысли «светлого мудреца», для которого «любовь к стране родной» и «успех» среди прогрессивной части общества «важней печати». Филимонов подметил глубокую типичность образов грибоедовской комедии, говоря, что «без типа не умрет в России Скалозуб и Фамусов, и Хлестова-кума, Антоныч-лжец, Молчалин-низкий». Он увидел в комедии Грибоедова развитие сатирических традиций творчества Фонвизина: «В веселом «Горе от ума» вы век полковничий столкнули с бригадирским».

Филимонов в послании не навязывает читателю своих мнений, он скромно уходит в тень: «Я просто в Колпаке признался, что я глуп», хоть «миру в том неважная услуга»; но всем своим посланием он поддерживает грибоедовское отрицание тогдашней крепостнической действительности, а в своем произведении «Москва» он открыто выступает в 40-е гг. с обличением «Москвы допожарной», солидаризируясь полностью с Грибоедовым в его ненависти к крепостному праву.

Глубокие симпатии Филимонова были на стороне реализма Крылова, Грибоедова. К концу 20-х гг. Филимонов имел не только прогрессивные общественно-политические воззрения (что было ясно видно из документов следствия) — они стали у него основой передовых литературно-эстетических взглядов, которые он ясно выразил, приветствуя правдивое отражение тогдашней жизни через образы-типы у Грибоедова; он ценит сатиру Фонвизина, Грибоедова, в которой видит истинную «любовь к стране родной».

Поэма Филимонова «Дурацкий колпак» развивает лучшие сатирические традиции русской литературы. В поэме умело нарисована верная картина жизни дворянской среды, с ее пустотой, презрением к труду, паразитизмом и тунеядством. Поэтому не случайна литературная полемика вокруг поэмы. Прогрессивная часть литераторов и критиков: Пушкин, Вяземский, Белинский положительно оценила ее. Белинский в 1838 г., проглядывая «новейшие поэтические произведения», писал:

«Старый друг (т. е. поэма, начатая в 1828 г.) лучше новых двух»⁵⁷. Строгий критик Вяземский, недолюбливавший Филимонова, вынужден был переменить свое мнение. В письме И. И. Дмитриеву⁵⁸ от 24 марта 1828 г. он писал: «Видели ли вы «Дурацкий колпак» Филимонова? Совсем ему не к лицу. Тут есть стихи живые

и поэтические, а как попали они ему в голову и на голову — Бог весть».

Под словами «на голову» он, очевидно, имеет в виду «либеральный колпак» и, не будучи особенно близок с поэтом, не понимает, откуда у Филимонова появился политический оттенок поэмы. Сравнивая ее с прежними стихами Филимонова, он должен был объективно оценить ее достоинство.

И. И. Дмитриев не замедлил прочитать поэму и 17 апреля 1828 г. послал Филимонову письмо: «... с большим удовольствием прочитал счастливое произведение Вашей музы: оно дышит игривостью, тонкой иронией и прелестью поэзии. Оставьте Горация и пользуйтесь впредь Вашим капиталом. Искренне желаю, чтобы Вы сдержали свое слово и вплели еще несколько цветков в Ваш венок, который, по скромности Вашей, угодно было Вам назвать Колпаком»⁵⁹. Осторожный Дмитриев, в отличие от откровенного Пушкина и хитрого Вяземского, «не понял», почему поэма скромно названа «Колпаком», но отметил ум, поэтический вкус автора, «тонкую иронию» в стихах.

Таким образом, вся поэма в целом была положительно оценена прогрессивной критикой. Иначе подошел к оценке ее Ф. Булгарин.

В «Северной пчеле» в апреле 1828 г. появилась сначала сдержанная рецензия на I часть, затем в 1829 г. уничтожающая рецензия на I и II части. Ф. Булгарин выдвинул обвинение в том, что «Дурацкий колпак» — это произведение, подражающее пушкинскому «Евгению Онегину» и «Пирам» Баратынского.

Но основания для таких обвинений у Булгарина имелись очень слабые: Пушкин издавал свой роман «Евгений Онегин» отдельными главами, небольшими книжками, ценою по 5-ти рублей, и Булгарин упрекает Филимонова в том, что тот следует примеру Пушкина, издавая свои «поэмки и книжечки» тоже «ценою по 5 рублей и тоже с пробелами между строфами, с теми же пропусками, с нумерацией глав».

Филимонов отвергает это обвинение в подражательности Пушкину: «Я — быть подражанием «Евгению Онегину» не могу, ибо я, Колпак Дурацкий, родился в 1824 г., а Онегин в 1825 г.». Филимонов прочел пушкинский роман в стихах после того, как он был напечатан в феврале 1825 г., а над «Дурацким колпаком» начал работу в 1824 году.

Столь же несостоятельно обвинение Булгарина в подражании Филимонова «Пирам» Баратынского. Оно основывается на одном единственном совпадении рифмы в стихах Филимонова и Баратынского, действительно, совпадают рифмы: «рассудок — желудок», но, по остроумному замечанию Филимонова, «рассудки и желудки бывают разные, а слова для них — одни».

Булгарин сразу подхватил суждение Бестужева-Рюмина, который в анекдотической сцене в стихах⁶⁰ без разбора высмеивает все «пятирублевые поэмы»: сильно ругает он «Дурацкий колпак», «На-

талью Долгорукую» И. И. Козлова, не делается исключения и для «Евгения Онегина»:

«Их голоса хотя не звонки,
А по пяти рублей дерут
За их ничтожные книжонки».

«Северная пчела» чувствует, что против этого суждения вооружатся многие, поэтому делает оговорку, что она не совсем согласна с Бестужевым-Рюминым, однако присоединяется к его сочинению, как чрезвычайно остроумному, полному «истинного сатирического смысла».

* * *

«Дурацкий колпак» — поэма жизни, как назвал ее сам автор. Начатая, как уже говорилось, в 1824 г., поэма была опубликована в 1828 г., а последние ее главы появились лишь в 1838 году.

Поэма состоит из пяти частей, разделенных, в свою очередь, на главы. Им предпослано авторское предисловие, где Филимонов говорит об обязанности поэта рисовать правдивое реалистическое изображение окружающей жизни, отрицательно отзываясь о романтизме и классицизме.

«Что ум? Уменье жить.
В чем виден он? В делах.
Его не сыщем мы в классическом ученьи,
Ни в романтических мечтах.
В Дурачком колпаке, смешном стихотвореньи,
Я это ясно докажу;
Себе ни в чем не помирволю
И, выполняя вашу волю,
Я в колпаке вам жизнь перескажу.

Пусть правда русская в стихах
На время заменит французские обманы,
Где рыцари любви, в бесчисленных главах
Вас прозой вялою томят бесчеловечно...⁶¹

(ч., I, стр. 9)

В этом же предисловии автор раскрывает свои замыслы: нарисовать объективную картину действительности, привлекая автобиографический материал и сближая свое, авторское «я» с лирическим героем поэмы.

«Года текут своей чредою...
Я молчаливо жить устал.
Хочу разведаться с судьбою:
Меня давно мой Демон соблазнял,
Но нелегко мне думать гласно:
Восторг? Утих. Мечтать? Напрасно...

...Открыл я брани новый род.
 Не оскорбится им народ,
 Не вреден он и пользе частной:
 Я своего хозяин бытия.
 Никто не обвинит меня
 В хуле, в бранчивости пристрастной:
 Себя злословить буду я —
 Хоть это, может быть, моей позволят Лире»...

(ч. I, стр. 7).

Отсюда и герой поэмы — «современный человек», представитель передовой молодежи того времени. Булгарин, в целом отрицательно отнесшийся к поэме Филимонова, все же вынужден был отметить типичность, характерность для того времени главного героя поэмы: «В сем стихотворении, разделенном на шесть глав⁶², — пишет Булгарин, — описываются разные эпохи в жизни автора, с тою, кажется, целью, чтобы применить их к жизни большей части нашей молодежи»⁶³.

Главные действующие лица поэмы — «я» и «он».

«Он» — это выразитель и защитник идеологии светского общества.

«Я» — это лирический герой поэмы, очень близкий автору и воплощающий в себе черты передовой молодежи 20-х годов XIX века.

Герой Филимонова — не одиночка, как герои романтических поэм Пушкина — он представитель целой группы передовой молодежи:

Он: ...«Уж видны и у нас два
 Розных поколенья,
 Враждует мрак и просвещение:
 А вы-с? Вы — новый человек?..»

Я: «Я вижу ваш вопрос лукавый.
 Такой раздел людей не нов:
 Плод времени, успех ума...»

Он: «Но философ!
 Вы, с новыми людьми гоняясь за славой,
 Смекнули ль в свете чья сильнее сторона?»

Я: «Я стороны держуся правой...»

Он: «Которой? Много их...»

Я: «Нет! Истина — одна!»

(ч. II, стр. 37).

Лирический герой поэмы не сразу стал на путь борьбы, не сразу увидел несправедливости крепостнического общества.

С неохлажденною душой, с живою жаждой жизни, знаний он вступил в свет: «Ум рвался сбросить в прах невежества оковы»; он ревностно изучал философию, «взмостясь на Кантовы ходули», астрономию, естественные науки;

«...Седую древность полюбил:
Узнал народов жизнь, их славу, их паденье:
Мир настоящий позабыл»

(ч. I, стр. 15).

Но вскоре герой понял, что жить по-книжному нельзя; жизнь требовала активного вмешательства: «Я с неба Аттики на русский снег упал...», — заявляет он. Эта жизнь оказалась слишком непохожей на то, о чем мечталось в юности. И это породило душевный кризис и разочарование в справедливости общественного устройства на земле; в «...истории, сей хартии кровавой», он ничего не узнал о счастье людей: «...она роман печальный, нередко спутанный и часто не моральный... Я перестал его читать»... (ч. I, стр. 17). Критически взирая на мир («и о к а т о н и л с я мой нрав»), он ищет людей, с которыми мог бы поделиться мыслями: «мне посмотреть живых хотелось людей, на чердаке мне стало душно...».

Но, не зная, где искать этих людей, молодой человек входит в светское общество, увлекается «весельем жизни молодой» и, временно забыв все свои сомнения, страстно влюбляется. Любовь оказалась несчастной. «...науки мне не в прок, любовь — мое мученье», — говорит он. Несмотря на ряд разочарований, герой не охладел душой, не оставил своего «катонства»:

«Я тени все ловил — смешной искатель славы,
Мне правду шепчет враг лукавый,
Дурацкий кстати вам колпак...».

Герой еще питает иллюзии в отношении светского общества, но, познакомившись ближе с его нравами и порядками, он в конце концов приходит к его отрицанию:

«Что ж в их кругу нашел я? —
скуку,
Души томление, круженье головы,
За карточным столом и бабушку, и внуку,
И царство праздности и ветренной молвы,
И тридцать градусов сердечного мороза»
(ч. II, стр. 34).

Светскому обществу Филимонов противопоставляет лирического героя-гражданина, стремящегося вырваться из пут этого общества, презирающего его и готового трудиться на общее благо.

«Я: ...я хочу полезен быть...
Он: Себе, конечно, нет сомнения!
Я: Как, одному себе? Зачем?
Я быть хочу полезен всем:
Хочу для общества трудиться
И эстетически подчас
В кругу друзей повеселиться...»

Он: Теперь я понимаю вас.

Я: Скажите, как бы мне пробиться

На этот скользкий к счастью путь?..»

(ч. II, стр. 27).

«Он» пытается примирить героя со светским обществом:

«К чему ж без цензора Катон!

Теперь на свет ожесточенье?

К чему забавное гоненье

На внушек, бабушек и даже — на бостон?

Вы пользы из связей не извлекали сами:

Чем свет виновен перед вами?..»

(ч. II, стр. 41).

«Он» даже угрожает «мечтателям», подобным герою, казнями и забвением, но в этом поединке побеждает герой:

«Я: Творить не вам: вы — разрушитель!

Без сердца человек!..»

(ч. II, стр. 47).

Перед такими стойкими искателями правды «он» вынужден был отступить, признав их право на существование:

«Вы, старясь, сделались моложе;

Я в летах юных поседел...

Мы розно думаем, простите!

Друзей мечтательных ищите,

Других забав, других людей

И, тень лоя, в борьбе с судьбою,

Живите весело...»

(ч. II, стр. 50).

Слабость этих борцов с обществом, построенном на несправедливости, в том, что они не знали путей преобразования этого общества, поэтому их попытки протеста часто были обречены на провал.

Несмотря на ряд разочарований и жизненных неудач, герой остался верен делу борьбы за лучшее будущее:

«...Все бури грозные еще мечтались мне»

(ч. III, стр. 22).

Он дает клятву верности тем, кто пострадал в борьбе со злом:

«Страдальцы мира! Мы всех стран граждане-братья!

Нас крест один соединил.

Я презрел хладные избранных объятья:

Я вам не изменил»

(ч. III, стр. 25).

В поэме «Дурацкий колпак» герой противопоставляется неистребимой верой в торжество истины, стремлением активно участвовать в борьбе за нее не только светскому обществу в целом, но и той его лучшей части, которая, осознавая несправедливости существующих порядков, оказывалась неспособной к активной борьбе с ними в силу «равнодушия к жизни», «преждевременной старости души», крайнего индивидуализма, эгоизма.

Поэт вскрывает и причины появления среди тогдашней молодежи «младых... стариков», как он называет дворян, критически мыслящих, но бездействующих. Причина их разочарованности — в праздном, паразитическом образе их жизни. Среди русских «баричей смешных», больных «холодным бесстрашием», Филимонов противопоставляет немцев, среди которых «нет трутней, праздностью больных», «там труд есть тайна наслажденья» (ч. I, стр. 28).

В конце 20 — середине 30-х гг., когда многие предпочитали молчать, а некоторые перешли в лагерь реакции, когда один из близких друзей поэта, Г. Познанский, советовал ему оставить вольнодумство и подумать о личном счастье⁶⁴, Филимонов остается на прежних прогрессивных позициях:

«...Снося души моей страданье,
Надеждою златил угрюмое мечтанье,
На подвиг новый ждал чреды;
Хотел назло людей стать выше над судьбою»

(ч. III, стр. 26).

Поэма «Дурацкий колпак» — это сатира на тогдашнее дворянское общество. Очень метко сказал об этом один из рецензентов журнала «Библиотека для чтения»: «...Сатира «Дурацкий колпак» и смешит, и трогает, и колет, и поучает»⁶⁵.

Поэма не только разоблачала высшее светское общество, она развенчивала «лишних людей» с хладною душой, «младых стариков», уходящих от борьбы с несправедливостями жизни, живущих «в царстве праздности и ветреной молвы».

Поэма рисует перед нами образ представителя прогрессивной части молодежи 20-х гг. XIX века. Пусть этот образ страдает недостаточной глубиной психологического рисунка, а причины его появления недостаточно мотивированы, но этот образ раскрывает перед нами важную черту передовой молодежи: непримиримость в борьбе с несправедливостями жизни несмотря на полицейский террор. В годы николаевской реакции эта позиция В. С. Филимонова была очень смелой, недаром Пушкин предупреждал автора об опасности заговаривать в 1828 г. о свободе, напоминая ему о том, что «не в моде ныне красный (т. е. революционный — Л. К.) цвет».

Не вдаваясь в подробный анализ художественных достоинств поэмы, скажем только, что поэма, ставящая проблему героя времени, вопрос о паразитизме высшего общества, по общему признанию строгих критиков — Белинского, Вяземского, Дмитриева — отличается глубокой поэтичностью и живостью стиха, она дышит

тонкой иронией, истинным чувством, одушевляющим почти каждый стих автора.

«Мы уверены, — справедливо указывается в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду» (1838, № 31, стр. 613) при разборе поэмы «Дурацкий колпак», что и самый строгий критик г-на Филимонова не может не признать в нем поэтического таланта, одушевленного юмора, не откажет ему в оригинальном взгляде на жизнь и тревожения ее, не отнимет у него глубокого чувства и способности выражаться правильным, легким, плавным стихом, каким владеют у нас весьма немногие стихотворцы».

Сатирический характер поэмы ставит ее в ряд произведений, продолжающих лучшие сатирические тенденции нашей литературы.

Сатира была присуща очень многим произведениям Филимонова. Даже в шуточной поэме «Обед» (1837 г.) мелькают сатирические зарисовки жизни светского общества:

«Блестящий свет не все блистает,
Толпа толпится, не живет,
Дерется, женится, зевает,
Или злословит, иль жует...»

(стр. X).

Остроумная поэма Филимонова — приговор светскому обществу: пройдут эти люди свой жизненный путь и в памяти у них останутся лишь такие знаменательные события, как «...бала два, да вист, да сон... Но утолим ли сердца жажду такую жизнью?» — спрашивает их автор с едкой иронией (стр. X).

Еще более яркие сатирические зарисовки русской жизни начала XIX в. даны Филимоновым в трех песнях, посвященных Москве («Москва», 1845 г.).

Первая песня, рисующая Москву «допожарную»⁶⁶, представляет большой интерес ввиду сатирического описания «барства дикого» и сочувственного, правдивого описания жизни закрепощенного народа.

Филимонов рисует деградацию дворянского светского общества, рисует хлестко, беспощадно, давая целый ряд обличительных картин. С особенной силой он обрушивается на самодуров-крепостников, которые не считали крепостных крестьян за людей.

«Тот слуг карал карательною стрижкой,
В замену их имен, дарованных с крестом,
Звал то «Фарыгой», то «Самцыжкой»,
Порой с углом на короля
То Кузьку ставил, то Маврушу
И на живую часто душу
Выменивал борзого кобеля...

Тогда как романтизм смеялся баснословью,
Известен был один любезник-гастроном
К Венерам в девичьей классической любовью
И баснословным пиршеством.

Богинь своих в золотых цепочках на диване,
В цепях железных он сажал порой на стул,
Зимою розгами их парил в бане.
Порой, когда в обед роскошный Лукулл
Венгерским смачивал во рту пирог воздушный
Иль с жадностью глотал десятки вафлей вдруг,
Творца их, повара, дирали на конюшне.
«И дело! — говорил при том помещик вслух:
За битого всегда дают не битых двух».
В домах иных господ столичных
Для челядинцев напоказ,
Как утварь нужная, колодничий запас
Развешен был в местах приличных...»

Нищету и бесправие народа Филимонов видит везде; вот образ жизни крепостных слуг:

«С записками «mon ange», «mon cher»
Иные барыни, из модных,
По протяжению всех улиц и валов
Гоняли слуг, порой голодных,
Порою в грязь, без сапогов...»

В этом произведении Филимонов выступает как художник-гуманист, как защитник народа. В 40-х гг., когда была написана «Москва», вопрос о крепостном праве продолжал оставаться актуальным, поэтому песня В. Филимонова звучала злободневно. «Москва» увидела свет только благодаря замечанию автора о том, что события, им описываемые, происходили в далеком прошлом.

Во второй песне «Москва» Филимонов, не зная правильных путей преобразования России, пошел по неверному пути противопоставления разложившемуся, прогнившему сверху донизу дворянству положительных героев из дворянской же среды. Автор создает образ генерала, правдивого и честного труженика, который

«...жил не для себя, для бедных был богат,....
В быту помещичьем образчик дворянина.
Крестьянам и слугам он был вторым отцом,
Благотворение считал своею славой...»⁶⁷.

образы гуманных помещиков, которые

«...слуг считали за людей,
Их службу меряли не лбами...»⁶⁸

При всей слабости и ограниченности положительной программы «Москва» заслуживает внимания своей острой, уничтожающей критикой крепостнической системы. Особенно сильно это звучит в первой песне. В двух других песнях автор, прославляя победу России в войне 1812 г. мечтает о том, чтобы праздничный звон стал «благостным» «жизни новой» и «счастия Руси».

После 1840 г. Филимонов пишет ряд беллетристических произведений. Из его повестей в свое время особенно читались «Русская девушка», «Супружеские благополучия», «Непостижимая»⁶⁹, в которых критика деградирующего дворянства сочеталась с обличением крепостничества во всех его проявлениях. Такое содержание повестей «Супружеские благополучия» и «Русская девушка» Филимонова сближает их с гоголевским направлением литературы того периода.

Прозаические произведения Филимонова вызвали резкие замечания цензурного комитета. Рукопись повести «Русская девушка» была возвращена автору для переработки, так как в ней «говорится повсюду слишком резко о крепостном состоянии»⁷⁰ «...выражается сожаление, что крепостные люди лишаются возможности сделаться чем-нибудь»⁷¹, а жизнь помещиков показана «в грязном и почти невозможном виде»⁷².

Автор пытался отстаивать свое мнение. В прошении на имя министра просвещения Норова он писал, что дворяне-помещики, изображенные им в повести: «...возможны — они есть в Петербурге, они существуют у Гоголя»⁷³, «Резкость суждения о крепостном состоянии», он объясняет более туманно: «...это выражение не хладнокровного суждения, а взволнованного чувства»⁷⁴.

Объяснения автора не удовлетворили цензуру, произведения В. С. Филимонова были признаны «безнравственными» и повести вышли из печати лишь после кардинальной переработки.

В. С. Филимонов до конца жизни сохранял горячую любовь к литературе. Полуслепой, страдавший водянкой, доживавший последние дни в крайней нищете, писатель готовил к печати воспоминания⁷⁵ и ряд новых художественных произведений, которые не только не были опубликованы, но даже до сих пор не обнаружены. Надо думать, что в этих произведениях Филимонов не изменил своим идеалам.

Творчество Филимонова сыграло немаловажную роль в подготовке и укреплении реализма в русской литературе первой половины XIX века и вполне заслуживает того, чтобы занять подобающее место в истории нашей литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А. С. Пушкин, Соч., изд. АН СССР, 1948, т. III, ч. I, стр. 99.

² В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., под ред. С. А. Венгерова, т. I, стр. 16, 19.

³ Там же, т. IV, стр. 55.

⁴ «Современник», 1858, № 9.

⁵ «История русской литературы», изд. АН СССР, М., 1953, т. VI, стр. 490.

⁶ «Иллюстрация», 1858, № 32.

⁷ Б. Базанов, Вольное общество любителей российской словесности, Петрозаводск, 1949, стр. 409.

⁸ «Н. Полевой», Л., 1934, стр. 184—195.

⁹ ЦГИЛ, 1831 г., 1 экз., ф. 109, д. 417.

¹⁰ Полный перечень произведений В. С. Филимонова, см. В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., СПб., 1901, т. IV, стр. 506.

¹¹ «Иллюстрация», 1858, № 32.

¹² В. С. Филимонов, «Дурацкий колпак, гл. I, стр. 12.

¹³ Там же.

¹⁴ ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 1, ед. 379.

¹⁵ ЦГИА, 1 эксп., 1827 г., ф. 109, д. 213.

¹⁶ Общество Сунгурова было одним из многочисленных в 30-х гг. XIX в. кружков. Материалы секретного дознания по делу о «Тайном злонамеренном обществе в Москве Сунгурова, Гурова, Костенецкого и др.» были обнаружены Ю. Оксманом в 1913 г. в архиве Главного аудитора военного министерства. Ю. Оксман опубликовал их, но специального внимания дознанию о В. С. Филимонове не уделил.

¹⁷ А. И. Герцен, Былое и думы, М., 1947, стр. 78.

¹⁸ Там же, стр. 78.

¹⁹ ЦГИА, 1 эксп., 1831 г., ф. 109, д. 353, л. 274.

²⁰ Там же, л. 71.

²¹ В бумагах В. С. Филимонова «было обнаружено 13 записок в особой обертке с надписью «Краткое начертание государственного образования». На одном из листов весьма ясно была написана таблица: «Державная власть, Верховный Совет, Управа, Закон, Суд, Государственное управление, Дума, судилище; Областные: Управление, Дума, судилище; волостные: Управление, Дума, судилище» (ЦГИА, 1 эксп., ф. 109, д. 417, л. 28).

Были ли бы указанные государственные органы выборными, как это намечалось в декабристских проектах, или нет, из этого краткого изложения заключить невозможно.

²² ЦГИА, 1 эксп., ф. 109, д. 417, л. 28.

²³ Там же, л. 55.

²⁴ Там же, л. 122.

²⁵ Там же, д. 353, л. 165.

²⁶ Там же, д. 417, л. 88.

²⁷ Там же, л. 151.

²⁸ Н. А. Степанов, друг В. С. Филимонова, издавал совместно с В. С. Курочкиным журнал «Искра» (1859—1864 гг.), затем редактировал журнал «Будильник» (1865—1871 гг.), а с 1877 г. был редактором и издателем этого журнала.

²⁹ Пушкинский дом, архив Н. А. Степанова, ед. хр. 4359.

³⁰ «Прибавления к Московским ведомостям», № 6, 1783, стр. 22.

³¹ А. Н. Радищев, Избр. философск. соч., 1949, стр. 269

³² «Рассуждение о воспитании», М., 1804, стр. 5.

³³ Там же, стр. 7.

³⁴ Там же, стр. 8.

³⁵ Там же, стр. 6.

³⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 473.

³⁷ См. в сборнике «Сын отечества», 1822, № 52, стр. 278, 279, рец.; «Благонамеренный», 1822, № 22, стр. 348—350, рец.

³⁸ В. С. Филимонов, Проза и стихи, СПб., 1822, стр. 12.

³⁹ Там же, стр. 14—15.

⁴⁰ Там же, стр. 125, 126.

⁴¹ В переписке К. Н. Батюшкова имя В. С. Филимонова впервые встречается в 1811 г. См. соч. К. Н. Батюшкова, СПб., 1887, т. III, стр. 122.

⁴² ЦГИА, 1 эксп., 1831 г., д. 353, л. 35.

⁴³ Филимонов — редактор журнала «Бабочка» (1829 г.) продолжает борьбу за народную поэзию, помещая там обрядовые, лирические и другие народные песни начала XIX в. с точным указанием, где они были услышаны. О журнале «Бабочка» см. «Русская старина» 1901, кн. 5, «Библиографические заметки».

⁴⁴ В. С. Филимонов, Проза и стихи, стр. 106.

⁴⁵ ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 1, д. 87.

⁴⁶ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. XII, стр. 88—89.

⁴⁷ Сочинения К. Н. Батюшкова, СПб., 1887, т. III, стр. 658.

⁴⁸ В. С. Филимонов, Дурацкий колпак, СПб., 1828, 1838.

⁴⁹ А. С. Пушкин, Соч., изд. АН СССР, т. III, ч. I, стр. 99.

⁵⁰ Там же, т. I, стр. 259.

- ⁵¹ Там же, т. II, ч. I, стр. 264.
⁵² Там же, т. III, ч. I, стр. 99.
⁵³ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., СПб., 1910, т. IV, стр. XVI.
⁵⁴ «Бабочка», СПб., 1829, № 2.
⁵⁵ Жуковский сборник, вып. IX, 1910, стр. 158.
⁵⁶ «Московский вестник», 1828, ч. X, № 16, стр. 321.
⁵⁷ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., СПб., 1901, т. IV, стр. 58.
⁵⁸ «Русский архив», 1866, столбец 1716.
⁵⁹ Пушкинский дом, Л., оп. 1, ед. хр. 1046 (неопубликов.).
⁶⁰ М. А. Бестужев-Рюмин, Мавра Власьевна Томская и Фрол Саввич Ка-
лугин (Анекдотическая сцена в стихах), СПб., 1828.
⁶¹ В. С. Филимонов, Дурацкий колпак, стр. 9.
⁶² Имеется в виду ч. I «Дурацкого колпака», состоящая из 6 глав.
⁶³ «Северная пчела», 1828, № 50.
⁶⁴ Имеется в виду стихотворное послание Г. Познанского «В. С. Филимо-
нову» (1827 г.), хранящееся в ЦГИА, 1 эксп., ф. 129.
⁶⁵ «Библиотека для чтения», СПб., 1838.
⁶⁶ Имеется в виду Москва до 1812 г.
⁶⁷ В. С. Филимонов, Москва, СПб., 1845, стр. 52.
⁶⁸ Там же, стр. 58.
⁶⁹ Энциклопедический словарь «Брокгауз и Ефрон», т. 70.
⁷⁰ В. Филимонов, Русская девушка, СПб., 1845, стр. 42.
⁷¹ ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 4, д. 78, л. 1.
⁷² Там же, л. 3.
⁷³ Там же.
⁷⁴ ЦГИАЛ, 1856 г., ф. 1357, д. 86, л. 8.
⁷⁵ Там же.
⁷⁶ Дельвиг, Баратынский, Пушкин, Языков, Вяземский и многие другие
были с ним в дружеских отношениях, он знал много фактов из их жизни и ли-
тературной деятельности.
-